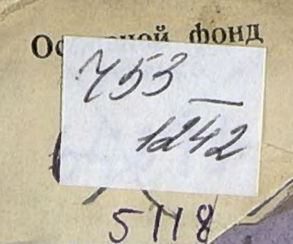

В. Люстрицкій.

ОЧЕРКЪ

педагогической дѣятельности

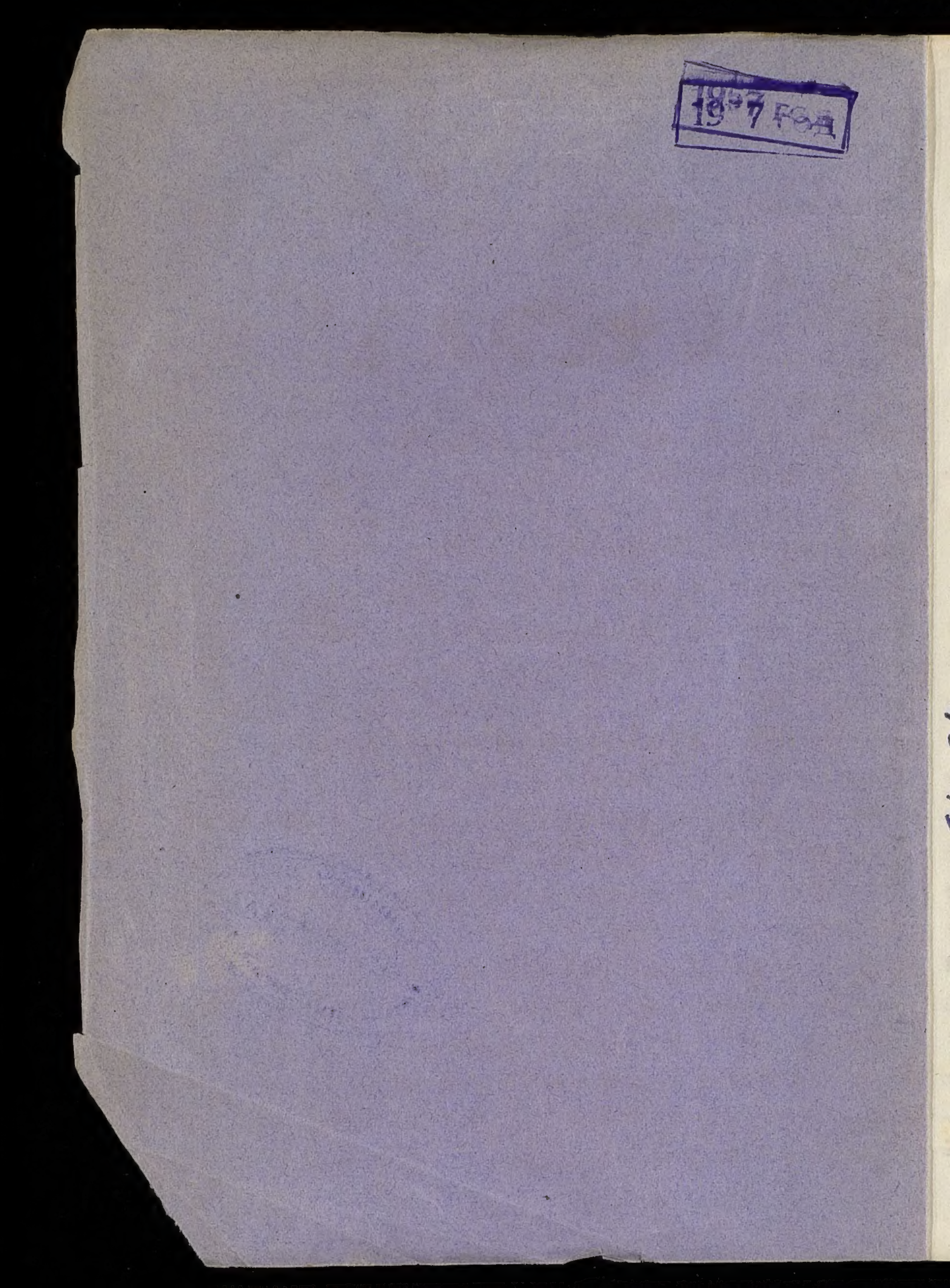
Константина Дмитріевича Ушинскаго

и его

ВЗГЛЯДЪ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
Большая Проломная улица, собственный домъ.
1882

В. Люстрицкій.

ОЧЕРКЪ

ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Константина Дмитріевича Ушинскаго

и его

ВЗГЛЯДЪ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ

ВОСПИТАНІЕ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
Большая Проломная улица, собственный домъ.
1882

Цензурою дозволено. Казань, Декабря 6 дня, 1882 года.

ОЧЕРКЪ

дѣятельности Константина Дмитріевича Ушинскаго и его взглядъ на общественное воспитаніе.

Извѣстно, что общественное воспитаніе русскаго юношества въ послѣдніе тридцать лѣтъ измѣнилось, въ русскомъ обществѣ явились новые взгляды и возрѣнія на воспитаніе.

Главными виновниками въ улучшеніи русскаго воспитанія и проповѣдниками новыхъ взглядовъ были Н. И. Пироговъ и К. Д. Ушинскій.

Ушинскій по происхожденію былъ изъ малороссійскихъ дворянъ. Первые годы его жизни прошли въ Новгородъ-Сѣверскѣ Черниговской губерніи. О жизни Ушинскаго въ указанномъ мѣстѣ, равно и о первоначальномъ воспитаніи свѣдѣній почти совсѣмъ нѣтъ. Извѣстно, что онъ учился въ мѣстной гимназіи, но жилъ за городомъ въ двухъ верстахъ, въ домѣ родителей, находящемся въ мѣстности, похожей на село.

Въ 1840-мъ году онъ поступилъ въ московскій университетъ, по юридическому факультету.

Съ первыхъ же лекцій всѣ обратили вниманіе на Ушинскаго, тогда весьма молодаго человѣка, почти мальчика съ черными выразительными глазами и симпа-

тическою наружностію. Онъ всѣхъ поражалъ своими необыкновенными способностями. Имѣя не болѣе 16 лѣтъ отъ роду, онъ съ необыкновенною легкостію и быстротою усваивалъ самыя трудныя части наукъ. Нерѣдко случалось, что послѣ выслушанія лекціи, въ которой проводился серьезный взглядъ, слушатели, плохо понявъ суть дѣла, обращались къ Ушинскому съ просьбой изложить имъ всю мудрость по своему, и онъ всегда успѣвалъ растолковать имъ сущность лекціи совершенно вѣрно и удобопонятно. Усердно посѣщая лекціи профессоровъ, особенно тѣ, которыя отличались художественностью, широкими обобщеніями и выводами, Ушинскій все свободное время посвящалъ серьезной, разнообразной умственной дѣятельности. Изучая русскую и иностранную литературу, сочиненія различныхъ мыслителей, онъ прилежно занимался изученіемъ русской исторіи, которую основательно зналъ по источникамъ. Вслѣдствіе усиленной работы, въ концѣ учебнаго года, онъ обыкновенно блѣдный, худой и харкающій кровью, отправлялся съ земляками на родину, откуда возвращался въ Москву румяный, полный здоровья, и привозилъ съ собой мѣшки малороссійскаго сала, служившаго важнымъ подспорьемъ въ скромномъ его обиходѣ.

Разнообразная самостоятельная дѣятельность имѣла для Ушинскаго самые прекрасные результаты: выработавъ въ себѣ критическое умѣнье относиться къ явлені-

ямъ жизни и науки, онъ не сдѣлался узкимъ спеціалистомъ, а былъ человѣкомъ образованнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова и владѣлъ знаніями изъ разныхъ отраслей. Изъ его сочиненій видно, что онъ гармонично соединялъ въ себѣ знаніе исторіи и географіи съ юридическими науками, знаніе исторіи философіи съ богословской начитанностью.

Благодаря разнообразію знаній, прочному ихъ усвоенію и силѣ критическаго мышленія, Ушинскій всегда шелъ самостоятельнымъ путемъ.

Дѣйствуя на литературномъ поприщѣ въ шестидесятыхъ годахъ, какое время характеризуется обильнымъ наплывомъ въ русское общество различныхъ идей изъ западной Европы и увлеченіями новыми взглядами, Константинъ Дмитріевичъ не подчинялся этому общему увлеченію, а усваивалъ только то, что находилъ справедливымъ послѣ безпристрастнаго анализа, и былъ иногда защитникомъ вѣковыхъ русскихъ взглядовъ и вѣрованій, подвергавшихся въ то время порицанію и осмѣянію. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые товарищи Ушинскаго по литературнымъ занятіямъ осыпали его бранью, его статьи подвергались нападкамъ и обвиненіямъ въ отсталости.

Во время же студенчества обрисовались и другія черты характера Ушинскаго. Обладая русской привѣтливостію и сердечной добротой, онъ былъ хорошимъ товарищемъ въ своемъ кругу, и съ своими товарищами дѣ-

лился послѣднимъ рублемъ и послѣдней трубкой табаку. Тогда же Ушинскій обнаружилъ и другія свои особенности, которыя впослѣдствіи надѣлали ему много враговъ и принесли не мало огорченій, именно: полнѣйшую независимость характера и привычку высказывать откровенно каждому свои убѣжденія. Презирая лесть и заискиванія, онъ безпощадно казнилъ присущимъ ему юморомъ тѣхъ изъ товарищей, которые, въ виду приближавшихся экзаменовъ, ѣздили къ профессорамъ съ визитами и поздравленіями и старались обратить на себя вниманіе прилежнымъ записываніемъ лекцій у такихъ профессоровъ, которые читали по печатнымъ книгамъ.

По окончаніи курса въ университетѣ, Ушинскій недолгое время занималъ профессорскую кафедру въ Демидовскомъ лицеѣ, а съ 1855 года занялся педагогическою дѣятельностію. Въ этомъ году онъ случайно встрѣтился въ Петербургѣ съ Голохвостовымъ, директоромъ Гатчинскаго сиротскаго института, и въ немъ, по приглашенію директора, занялъ должность преподавателя словесности и инспектора классовъ.

Осматривая библіотеку заведенія, онъ нашелъ въ ней довольно большое собраніе педагогическихъ сочиненій, и эта находка побудила его заняться изученіемъ педагогики. Вотъ какъ Ушинскій въ одномъ изъ писемъ описываетъ свое первое знакомство съ библіотекой. „Помню я, какъ поступилъ на службу, и разсматривая библіотеку,

довольно многотомную, нашелъ цѣлый шкафъ съ медицинскими книгами, хотя въ этомъ заведенiи никогда не учили медицыны. Ихъ пожертвовалъ одинъ купецъ, которому онѣ достались за долги или по наслѣдству. Наконецъ смотрю, стоятъ два шкафа, запыленные, почернѣлые и запечатаные. Видно по всему, что ихъ лѣтъ двадцать не отпирали. Прошу отворить и нахожу полное собранiе педагогическихъ книгъ. Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собранiе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведенiи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень многимъ и, Боже мой, восклицаетъ Ушинскiй, отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступить на педагогическое поприще."

Въ Гатчинѣ Ушинскiй началъ изучать педагогическую литературу и съ тѣхъ поръ, до конца жизни, вся его дѣятельность была посвящена окончательно наукѣ воспитанiя.

Съ 1859 года Ушинскiй былъ переведенъ на мѣсто инспектора Смольнаго института. Въ немъ онъ успѣлъ осуществить на дѣлѣ многiя свои воспитательныя идеи.

Усиленныя занятiя и другiя причины разстроили его здоровье, вслѣдствiе чего Ушинскiй оставилъ службу, занялся леченiемъ и для этого съ семействомъ уѣхалъ за границу. Кромѣ необходимости озаботиться разстроеннымъ здоровьемъ, онъ чуствовалъ необходимость нравственно

отдохнуть отъ трудовой, кипучей жизни. Его влекло также за границу желаніе наглядно ознакомиться съ воспитаніемъ народовъ тѣхъ странъ, гдѣ оно сдѣлало наиболѣе существенные успѣхи. Поселившись сначала въ Гейдельбергѣ, онъ познакомился здѣсь съ замѣчательнымъ русскимъ педагогомъ и хирургомъ Н. И. Пироговымъ, къ которому Ушинскій питалъ глубокое уваженіе. Объ немъ онъ писалъ: „наконецъ то мы имѣемъ посреди насъ человѣка, на котораго съ гордостью можемъ указать дѣтямъ и внукамъ, и по безукоризненной дорогѣ котораго можемъ вести смѣло наши молодыя поколѣнія. Пусть наша молодежь смотритъ на этотъ образъ, и будущность нашего отечества будетъ обезпечена." Затѣмъ Ушинскій жилъ въ Швейцаріи, откуда и присылалъ въ Россію свои педагогическія письма.

Заграницей Ушинскій имѣлъ возможность исключительно посвятить себя научнымъ трудамъ. Глубокое изученіе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство съ лучшими ихъ представителями дали необыкновенное развитіе его умственнымъ силамъ. Къ этому времени относятся лучшія его произведенія. Къ „Дѣтскому міру," написанному Ушинскимъ еще въ Гатчинѣ, и ряду мелкихъ педагогическихъ статей, возвратившись изъ заграницы, онъ присоединилъ „Родное слово" и сочиненіе: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія", въ двухъ томахъ.

Вернувшись въ Россію, Ушинскій настолько чув-

ствовалъ себя здоровымъ, что съ обычною энергіею принялся за окончаніе своего сочиненія „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія,“ и казалось, что могъ бы еще долго жить и работать, но случилось несчастіе въ его семействѣ, которое окончательно разрушило его здоровье и свело прежде времени въ могилу. Старшій сынъ Ушинскихъ, Павелъ, 17-ти лѣтній молодой человѣкъ, котораго первоначальнымъ воспитаніемъ занимался самъ отецъ съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовію, тогда кончилъ полный гимназическій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ и пріѣхалъ въ это время на каникулы. Здѣсь онъ нечаянно ранилъ себя на охотѣ, заряжая ружье. Константинъ Дмитріевичъ тогда былъ въ Крыму и вернулся домой чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти сына, вовсе не зная о случившемся. Онъ пріѣхалъ совершенно здоровый и веселый, и поздоровавшись съ семьей, сейчасъ спросилъ, гдѣ Паша. Домашніе, желая хотя на нѣсколько часовъ скрыть отъ него страшное горе, сказали, что Паша легъ спать. Но въ тотъ же вечеръ несчастный отецъ узналъ о постигшемъ его несчастіи. Ударъ былъ слишкомъ силенъ для нервной и впечатлительной натуры. Ушинскій сильно заболѣлъ, для излеченія онъ переѣхалъ въ Одессу, гдѣ 21 декабря 1870 года скончался, 47 лѣтъ отъ роду.

Приведенные факты вполнѣ подтверждаютъ слѣдующія слова, высказанныя объ Ушинскомъ однимъ его товарищемъ: „Безъ преувеличенія слѣдуетъ сказать, что

личность эта далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ и представляла рѣдкое соединенiе необыкновенныхъ способностей ума, глубокой вѣры, высокихъ, истинно христiанскихъ качествъ души и непоколебимой независимости характера. Обогативъ нашу бѣдную педагогическую литературу драгоцѣнными сочиненiями, онъ не успокоился на лаврахъ, но работалъ неутомимо, работалъ не для славы, не для матерiальныхъ выгодъ, или почестей, а въ полномъ сознанiи той глубокой христiанской мысли, что „отъ того, кому многое дается, многое и требуется."

Перехожу теперь къ изложенiю главныхъ воззрѣнiй Ушинскаго на общественное воспитанiе.

Въ противоположность большинству наукъ, которыя утверждаютъ и объясняютъ существующiе факты, или, иначе говоря, описываютъ то, что есть, педагогика съ нѣкоторыми науками, напримѣръ гигiеной, указываетъ, что должно быть, что желательно видѣть существующимъ—и средства къ достиженiю желаемаго. На этомъ основанiи, толчкомъ для дѣятельности педагогическихъ писателей служитъ обыкновенно неправильное, неудовлетворительное состоянiе существующаго воспитанiя.

Такъ средневѣковое, сухое, неодушевленное обученiе послужило къ тому, что славянскiй педагогъ Амосъ Коменскiй взялся за перо для выясненiя законовъ и правилъ обученiя. Искусственное французское воспитанiе дало поводъ къ появленiю теорiи естественнаго воспита-

нія Руссо. Тоже самое повторилось и съ Ушинскимъ: Русское воспитаніе въ 50 и 60-хъ годахъ дало направленіе его мыслямъ.

Сдѣланная имъ характеристика русскаго воспитанія весьма интересна и показываетъ въ немъ большую наблюдательность. Такъ какъ многіе черты русскаго воспитанія, указанныя Ушинскимъ, доселѣ живы, то поэтому онѣ не лишены современнаго значенія. Вотъ его описаніе русскаго воспитанія. На воспитаніи, какъ въ зеркалѣ, отражаются достоинства и недостатки общества, и по преимуществу его основы—семьи.

Русская семья не подвергалась еще ученому изслѣдованію, поэтому сужденія о ней, конечно, могутъ носить только характеръ предположительный. Но наши поэты: Тургеневъ, Пушкинъ и другіе рисуютъ ее въ чертахъ привлекательныхъ. Такъ ими художественно изображается особенная сердечная теплота русской семьи, задушевность ея, серьезность отношеній, не допускающая мысли объ эгоистической отдѣльности одного лица отъ другаго, вслѣдствіе чего въ каждомъ изъ насъ до глубокой старости живутъ задушевныя связи съ той семьей, изъ которой мы вышли.

Другую отрадную черту русской семьи составляетъ сильный, глубоко коренящійся въ сердцѣ патріотизмъ и вмѣстѣ съ нимъ встрѣчающаяся теплая религіозность, „настолько сильная, что многіе родители, увлекшіеся

моднымъ невѣріемъ, тѣмъ не менѣе водятъ своихъ дѣтей въ церковь и стараются оберегать ихъ отъ своихъ взглядовъ на религіозные вопросы."

Казалось бы, что русская семья представляетъ отличную среду для воспитанія дѣтей и своимъ вліяніемъ лучше всего можетъ укрѣпить въ нихъ общественныя чувства. Къ такому слѣдствію дѣйствительно бы приводило русское семейное воспитаніе, если бы не было въ немъ разныхъ хроническихъ и постоянныхъ болѣзней. Существенный недостатокъ, присущій русскому обществу и вліяющій кореннымъ образомъ на направленіе воспитанія, состоитъ въ томъ, что нравственныя воззрѣнія страдаютъ узостью, дѣятельность и вниманіе русскихъ главнымъ образомъ направлены не къ общественному благу, а къ благополучію семьи и рода. Поэтому, такъ сказать, нравственныя предписанія, изложенныя въ десяти заповѣдяхъ, мы считаемъ обязанными исполнять въ кругу своей семьи, своего рода, и необязательными въ другихъ отношеніяхъ, напримѣръ, относительно казеннаго сундука. Короче сказать, древняя черта русскаго общества „когда каждый жилъ съ своимъ родомъ," доселѣ еще видна.

Родовымъ и семейнымъ эгоизмомъ проникнуты, по словамъ Ушинскаго, какъ мужчины, такъ и женщины. „Женщины, говоритъ онъ, получивъ по большей части поверхностное воспитаніе, не достаточно развитыя для того, чтобы понимать серьезныя общественныя отно-

шенія, или согласовать частные интересы съ общественнымъ благомъ. проникаются въ семействѣ, еще исключительнѣе, чѣмъ мужчины, эгоистическимъ началомъ. Имъ нерѣдко кажется. что весь міръ, все государственное устройство, вся служба только для того существуетъ, чтобы ихъ малымъ дѣтямъ было хорошо. Ихъ семья дѣлается для нихъ средоточіемъ вселенной и даже въ самой религіи видятъ онѣ средство только семейнаго благополучія. Онѣ молятся горячо, но молятся единственно о счастіи своихъ дѣтей, т. е. объ ихъ здоровьѣ, богатствѣ, будущихъ чинахъ, крестахъ и имѣніяхъ. Интересы государства, интересы народа, науки и искуства, литературы, христіанства для нихъ чужды, или лучше сказать. все это для нихъ существуетъ на столько, на сколько можетъ принести пользу ихъ дѣтямъ."

Благодаря присутствію эгоизма, заботы о воспитаніи дѣтей въ русскомъ обществѣ принимаютъ неправильное направленіе. Часто въ семействахъ можно встрѣтить слѣдующую картину: „Во всѣхъ комнатахъ, и во всѣхъ углахъ, и на шкафахъ, и за зеркалами, на столахъ и подъ столами, вы замѣтите слѣды самой яростной воспитательной дѣятельности: тамъ мальчикъ зубритъ французскую грамматику. тамъ дѣвочка твердитъ вокабулы, тамъ Петруша отхватываетъ страницу изъ священной исторіи, тамъ Ванюша выкрикиваетъ европейскія рѣки, тамъ раздаются крики Саши, на лѣность котораго пожалова-

лись отцу. Отецъ и мать принимаютъ самое дѣятельное участіе въ дѣтскихъ занятіяхъ. Онъ силится припомнить полузабытыя имъ правила ариѳметики; она зорче всякой классной дамы слѣдитъ пальцемъ по книгѣ, прослушивая урокъ. Въ то же время родители, вздохнувъ про себя, думаютъ о томъ, какъ еще долго до того счастливаго времени, когда дѣти наконецъ будутъ имѣть право бросить всѣ мучительныя книженки и забыть навсегда то, что въ нихъ написано,—когда исполнятся наконецъ всѣ требованія экзамена, ихъ милыя дѣти вступятъ въ жизнь и займутся существенными интересами жизни: теплыми и выгодными мѣстами, выгодной женитьбой и прочими прекрасными вещами."

Точно также, какъ прямое слѣдствіе эгоизма, во многихъ русскихъ семействахъ встрѣчается стремленіе къ аристократичности, стремленіе лѣзть вверхъ, дать дѣтямъ такое образованіе, чтобы они стали выше насъ въ обществѣ, чтобы они выбрались изъ того положенія, въ которомъ мы сами стоимъ, мы постоянно говоримъ дѣтямъ: „учись хорошенько, будешь умнѣе другихъ, будешь богатъ, въ чинахъ, выйдешь въ люди, станешь человѣкомъ," какъ будто бы люди гдѣ то вверху, выше насъ, а не наровнѣ съ нами, а тѣмъ больше не внизу насъ. Вотъ отецъ и мать, не понимающіе ни слова ни на одномъ иностранномъ языкѣ, наполнили свой домъ иностранцами и иностранками и ходятъ въ собственной своей

семьѣ, какъ въ лѣсу, не понимая ни чего. что вокругъ ихъ дѣлается и говорится. Вотъ папаша, обладающій грубѣйшими манерами полковаго писаря, заботится объ аристократичности въ манерахъ своихъ дѣтей и колотитъ своего сынишка за то, что онъ поигралъ съ сыномъ дворника.

Въ очеркѣ русскаго воспитанія Ушинскій съ удовольствіемъ и уваженіемъ относится къ тѣмъ его сторонамъ, гдѣ, такъ сказать, *народность, христіанство и наука* положили свою печать.

Вопросъ о значеніи народности въ воспитаніи можно признать центральнымъ въ сочиненіяхъ Ушинскаго, и для доказательства той мысли, что воспитаніе только тогда прочно и устойчиво, когда покоится на родной почвѣ, онъ отовсюду собираетъ доказательства. Сказавъ, что „воспитаніе беретъ человѣка всего, какъ онъ есть, со всѣми его народными и единичными особенностями—его тѣло, душу, умъ, и характеръ,“ онъ ставитъ вопросъ: должно ли для этого у всѣхъ народовъ употребляться одни средства, должно ли все это, напримѣръ, европейскимъ народамъ, разработывать однѣми и тѣми же орудіями, сѣять и производить одни и тѣ же растенія? По видимому на это слѣдуетъ дать отвѣтъ положительный. Общественное воспитаніе у всѣхъ европейскихъ народовъ, вслѣдствіе историческихъ причинъ, имѣетъ большое сходство и какъ будто-бы тожественно: у всѣхъ народовъ учебныя заведенія

называются школой, внѣшнее школьное устройство, раздѣленіе наукъ, названіе многихъ предметовъ одинаково. Но это только—видимая сторона дѣла: каждый народъ общественное воспитаніе, его цѣль, задачу и средства понимаетъ и выполняетъ по своему, у каждаго народа о воспитаніи есть особенное характеристическое понятіе, созданное характеромъ и исторіей народа, у каждаго народа есть своя національная система, своя народная педагогика.

Мы вполнѣ въ этомъ убѣдимся, если обратимъ вниманіе на характеристическія черты воспитанія у нѣмцевъ, англичанъ и французовъ, и если упомянемъ о томъ, что разумѣется подъ словомъ народность.

Всѣ мы, имѣя сходство между собой, различаемся на столько, что нигдѣ не найдемъ похожаго на себя, нигдѣ не встрѣтимъ двойника. Это различіе выражается въ наружномъ очертаніи и душевномъ складѣ. На этомъ основаніи обыкновенно говорятъ: „сколько головъ, столько умовъ, сколько сердецъ, столько особенностей чувствъ." Эти свойства каждаго изъ насъ, отличающія нашъ внутренній и внѣшній обликъ, составляютъ личность, наше я, или какъ говорятъ, индивидуальность. Но рядомъ съ разнообразіемъ личностей, съ неисчислимымъ количествомъ личныхъ особенностей, всѣ люди имѣютъ одинаковые, всѣмъ имъ присущіе-общечеловѣческіе признаки и кромѣ этого—еще внѣшнія и внутреннія черты,

по которымъ мы легко и большею частію безошибочно распредѣляемъ ихъ по народностямъ, одного относимъ къ французамъ, другаго къ нѣмцамъ и т. д.

Слѣдовательно въ каждомъ изъ насъ заключаются три стороны: общечеловѣческая, національная и индивидуальная, или личная. Въ какомъ отношеніи находятся эти три стороны, наука не объясняетъ, но тѣмъ не менѣе историческіе факты указываютъ, какъ говоритъ Бѣлинскій, что „хотя человѣческое присуще человѣку, потому что онъ человѣкъ, но оно проявляется въ немъ неиначе, какъ, во первыхъ, на основаніи его собственной личности и, во вторыхъ, на основаніи его національности.“

Изъ такого разъясненія вытекаетъ то, что національная и личная стороны человѣка суть его существеннѣйшія свойства, и поэтому, гдѣ бы человѣкъ ни жилъ, живетъ ли онъ у тропиковъ, переѣзжаетъ ли отсюда къ сѣвернымъ широтамъ,—личныя и національныя особенности вездѣ съ нимъ, онѣ не отдѣлимы отъ нашей природы.

Въ соотвѣтствіе этому выводу общечеловѣческій принципъ, проповѣдуемый современной педагогіей: „воспитывай сообразно съ природой,“ долженъ быть измѣненъ такимъ образомъ: воспитаніе будетъ идти успѣшно, если оно соотвѣтствуетъ личности питомца и его національнымъ особенностямъ.

Теперь, послѣ предварительныхъ замѣчаній о томъ, что такое народность, перейдемъ къ характеристикѣ вос-

питанія у западныхъ европейскихъ народовъ: нѣмцевъ, англичанъ и французовъ.

По наблюденіямъ историковъ, отличительной чертой нѣмецкой народности служитъ наклонность нѣмца къ системѣ и отвлеченному мышленію, стремленіе къ широкимъ выводамъ, обобщающимъ разнообразные предметы и явленія; для нѣмца недостаточно понимать предметъ, ему нужно его опредѣлить, поставить въ связь съ другими предметами.

Этой особенностію объясняютъ то, почему въ умственномъ движеніи европейскихъ народовъ первая роль принадлежала нѣмцамъ, почему въ Германіи, подобно древней Греціи, жили и живутъ великіе мыслители, поэты—философы и рядомъ съ ними нѣмецкіе мечтатели и пустые резонеры. „Глубокомысліе и ученость, говоритъ Ушинскій, лицевая сторона нѣмецкаго характера; педантизмъ и резонерство обратная—сторона.“ Поэтому въ нѣмецкихъ книжныхъ магазинахъ можно найдти рядомъ съ величайшими произведеніями ученыхъ и мыслителей бездарныя сочиненія съ безконечнымъ подраздѣленіемъ и дѣленіемъ на главы и части, озаглавленныя буквами всѣхъ размѣровъ и всѣхъ азбукъ.

Указанная черта нѣмецкаго народа цѣликомъ отражается на его воспитаніи. Прежде всего и болѣе всего, нѣмецкое воспитаніе направлено къ всесторонности и систематичности, оно стремится каждаго молодаго чело-

вѣка, какъ можно скорѣе, ввести въ міръ науки и познакомить его со всѣми ея отдѣленіями и закоулками. Вслѣдствіе этого, для нѣмца человѣкъ ученый и человѣкъ хорошо воспитанный—одно и тоже, или каждый нѣмецъ стремится быть ученымъ (гелертомъ). „Умѣнье же приложить знаніе къ дѣлу, говоритъ Ушинскій, укрѣпленіе душевныхъ способностей, развитіе характера, внѣшняя полировка человѣка составляютъ для нѣмецкой педагогики вопросы второстепенные. Она и на самый характеръ думаетъ дѣйствовать чрезъ посредство знаній“ Сообразно съ такой чертой нѣмецкаго воспитанія, программы германскихъ учебныхъ заведеній поражаютъ своею многосложностію и громадностію. Въ Германіи можно встрѣтить учебники, гдѣ, прежде опредѣленія какого нибудь слова, перечисляются названія его у двадцати народовъ и гдѣ, напримѣръ, приступая къ описанію сохи, авторъ предварительно разсказываетъ всю ея исторію, начиная съ самыхъ древнихъ временъ и кончая Германіей.

Противоположность германскому воспитанію представляетъ общественное воспитаніе въ Англіи. Здѣсь общественное воспитаніе собственно существуетъ для аристократовъ и богатыхъ, остальному же населенію изъ общественнаго воспитанія дается только то, что признаетъ возможнымъ удѣлить общественная благотворительность.

Во главѣ учебныхъ англійскихъ заведеній стоятъ корпораціи Оксфорда и Кэмбриджа. Два эти учрежденія

являются двумя вѣковыми и могущественными опорами всей системы англійскаго общественнаго воспитанія. Въ тѣсной связи съ ними, укрѣпленной давностію, состоятъ и другія англійскія учебныя заведенія. Не смотря на то, что правила и порядокъ этихъ учебныхъ заведеній носятъ характеръ средневѣковаго времени, они пользуются общественнымъ сочувствіемъ. Поэтому въ Англіи обыкновенное явленіе, что каждый отецъ воспитываетъ сына тамъ же, гдѣ самъ получилъ образованіе, въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ есть стипендіи и комнаты для студентовъ, уже цѣлыя столѣтія переходящія изъ поколѣнія въ поколѣніе одной и той же фамиліи.

Англійскій джентльменъ также, какъ и нѣмецъ, проживаетъ лучшіе годы своей молодости за древними классическими писателями и пріобрѣтаетъ въ древней классической литературѣ твердыя, никогда не изглаживающіяся познанія. Но англичанинъ ищетъ въ классикахъ не предметовъ историческаго изученія или философскаго анализа, за которыми гоняется германецъ, а ищетъ силы и ясности языка, опредѣленности и точности выраженій. Но главное въ англійскомъ воспитаніи—это характеръ, привычка владѣть собою. На образованіе и укрѣпленіе характера обращено главное вниманіе англійскаго воспитанія. На основаніи извѣстнаго, хотя не всегда вѣрнаго взгляда, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа, или въ крѣпкомъ тѣлесномъ организмѣ сильный характеръ, у

англичанъ, подобно древнимъ спартанцамъ, обращено серьезное вниманіе на физическое воспитаніе. Англійскія учебныя заведенія не похожи на наши огромныя многоэтажныя каменныя зданія;—это обыкновенно веселый поселокъ, множество строеній котораго раскинуты тамъ и сямъ и группируются вокругъ главнаго зданія, гдѣ находятся классныя помѣщенія. Вотъ капелла, рядомъ съ ней библіотека, въ теченіи цѣлаго дня открытая для учениковъ; нѣсколько далѣе—помѣщеніе для игры въ мячъ, обширныя мѣста для игры въ крокетъ. Здѣсь домъ учителя, тутъ помѣщеніе для пансіонеровъ.

Подобно спартанцамъ и римлянамъ, англичане гимнастику и игры считаютъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ для здоровья физическаго и нравственнаго. Для нихъ, при воспитаніи, наука и успѣхи въ наукахъ стоятъ на второмъ планѣ, на первомъ же физическая сила и ловкость, характеръ, мужество, способность самоуправленія, стойкость. Въ англійскихъ школахъ гимнастика, игра въ мячъ, бѣганье въ запуски, катанье на лодкахъ и въ особенности крокетъ занимаютъ большую часть дня. Лучшіе игроки въ крокетъ пользуются въ школахъ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ лучшіе ученики по успѣшности въ научныхъ предметахъ; первый ученикъ тамъ не тотъ, который первый въ классѣ, а тотъ, который первый на плацу. Многіе англійскіе учителя жалуются, что у дѣтей игры на первомъ планѣ, а

книги на второмъ, что они кромѣ крокета ни о чемъ не говорятъ, не думаютъ и не мечтаютъ, цѣлые часы проводятъ въ шумныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, вязнутъ на вспаханныхъ поляхъ и топкихъ лугахъ, бѣгаютъ въ запуски, падаютъ въ грязь и теряютъ сапоги.

Какъ только кончатся уроки, каждый учащійся совершенно свободенъ и становится полнымъ хозяиномъ своего времени, которымъ онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію: онъ можетъ ходить вездѣ, но не переходить опредѣленной черты; поля ему открыты, всѣ игры въ его распоряженіи. Онъ можетъ выходить изъ дома, куда ему угодно и возвращается назадъ, когда ему вздумается, но долженъ придти къ началу урока, обѣда и къ тому часу, когда запираютъ ворота. Насколько здѣсь предоставлена воспитаннику свобода, настолько строго отъ него требуютъ выполненія предписанныхъ обязанностей. Всякое увлеченіе, малѣйшая неточность влечетъ за собою строгое наказаніе. Во всѣхъ англійскихъ школахъ существуетъ необыкновенно строгая дисциплина. За неисполненіе обязанностей наказываютъ нерѣдко очень строго: лишаютъ отпуска, задаютъ выучить лишній урокъ, запираютъ въ карцеръ, прибѣгаютъ къ разнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ розги. Столь же строгой дисциплинѣ подчинены и студенты. Они носятъ черную мантію и четырехъугольную шляпу. Студенты живутъ въ самыхъ колле-

гіяхъ подъ безпрестаннымъ, почти монастырскимъ надзоромъ, и обязаны соблюдать множество правилъ и правилецъ, которыя даже для ученика нашихъ гимназій показались бы стѣснительными. Вотъ какъ студентъ описываетъ свое времяпрепровожденіе. „Я вставалъ рано, чтобы поспѣть въ церковь къ утреннему богослуженію. Отъ всѣхъ студентовъ требовалось быть въ церкви непремѣнно разъ въ день, и я предпочиталъ посѣщать утреннее богослуженіе; церковный колоколъ ударялъ за четверть часа до начала службы, т. е. въ три четверти седьмаго. Послѣ семи часовъ еще давалось льготы пять минутъ, затѣмъ церковныя двери затворялись, и всякій, приходившій позже пяти минутъ восьмаго, подвергался штрафу. Забавно было смотрѣть, какъ съ послѣднимъ ударомъ колокола стекались къ церкви молодые люди со всѣхъ сторонъ, наскоро оканчивая дорогой свой незатѣйливый туалетъ: кто застегивалъ сюртукъ, кто путался въ своемъ стихарѣ, такъ какъ въ коллегіи всѣ обязаны носить сверху стихарь.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ общественнаго воспитанія во Франціи.

Рядомъ съ энергичностію, страстностію и непостоянствомъ, во французской націи замѣчается стремленіе всюду играть самую видную роль, овладѣвать всеобщимъ вниманіемъ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ, производить самое сильное впечатлѣніе. Вслѣдствіе этого, во французѣ

легко замѣтить стремленіе къ внѣшности, къ изяществу въ манерахъ, одеждѣ и языкѣ, мастерство показать себя и свой товаръ лицомъ.

Эти черты французской націи видимы и на общественномъ воспитаніи. Но обрисовать съ точностію характеръ французскаго воспитанія трудно, потому что оно не имѣетъ опредѣленнаго вида, а измѣнчивый, вѣроятно, отъ частой перемѣны образа правленія.

Въ цвѣтущемъ состояніи во Франціи, по словамъ Ушинскаго, находятся только техническія учебныя заведенія. Послѣднія служили образцомъ для заведеній того же рода въ другихъ государствахъ Европы. Онъ говоритъ, что трудно указать на какое нибудь техническое учебное заведеніе, которое могло бы соперничать съ Парижской Политехнической школой, или съ Парижской школой искуствъ и мануфактуры. Въ остальныхъ же школахъ мало занимаются воспитаніемъ. На перегонку одна школа передъ другой старается на показъ выставить образцовыхъ воспитанниковъ, не заботясь объ остальныхъ.—Вся педагогическая дисциплина основывается на принужденіи съ одной стороны, и на развитіи самолюбія съ другой.

Въ самолюбіи французская педагогика нашла сильнѣйшій рычагъ и работаетъ имъ безпощадно. Для этой цѣли французскіе наставники изобрѣли множестко средствъ: жалуютъ своихъ воспитанниковъ орденами, производятъ въ чины, печатаютъ ихъ имена въ газетахъ. Съ тою же

цѣлью существуютъ общіе конкурсы. Каждый годъ различные лицеи и частные пансіоны посылаютъ лучшихъ учениковъ въ Сорбонну. Тамъ они пишутъ сочиненія, и за лучшія изъ нихъ раздаютъ награды на торжественномъ актѣ. То учебное заведеніе, на долю котораго выпало больше наградъ на конкурсѣ, съ слѣдующаго же года пріобрѣтаетъ больше воспитаниковъ. Поэтому конкурсы развиваютъ духъ соревнованія и честолюбія въ учащихся и еще больше въ начальникахъ заведенія. Это не было бы особенно дурно, если бы для достиженія этихъ наградъ не презирали всею массою учениковъ; между тѣмъ неталантливые ученики не удостоиваются никакого вниманія, они должны сидѣть смирно и не мѣшать. По окончаніи конкурса, въ газетахъ подробно печатають о побѣдахъ учениковъ. Послѣ этого начальники путешествуютъ по провинціямъ и набираютъ воспитанниковъ, которые показались имъ способными, и родители которыхъ не богаты. Во Франціи есть люди, которые отлично умѣютъ пользоваться честолюбіемъ начальниковъ. Одна не богатая, но ловкая женщина помѣстила въ учебное заведеніе своего сына. Ребенокъ уже въ первые годы получилъ три награды но конкурсѣ. Тогда мать стала говорить директору, что ей необходимо перевести его въ другое заведеніе, и такъ хорошо съиграла свою роль, что директоръ согласился платить ей въ годъ 1200 франковъ, чтобы она не брала своего сына.

Во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ изучаются преимущественно классическіе языки и классическая литература. Но французъ прибавляетъ къ древнимъ классикамъ и своихъ собственныхъ, и изучаетъ тѣхъ или другихъ по своему, чаще всего на память. Онъ не любитъ углубляться въ грамматику и филологическія тонкости, ему мало дѣла и до древней классической жизни. Онъ слегка пробѣгаетъ содержаніе древней литературы; но выучиваетъ наизустъ эфектныя мѣста и прежде всего кидается на фразу, подмѣчаетъ ее, цитируетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Также поступаетъ и съ своими писателями. Вслѣдствіе этого языкъ француза обработанъ, выточенъ, выглаженъ; оттого у француза удивительное умѣнье передавать всѣ знанія въ популярной, необыкновенно привлекательной формѣ; фраза у него готова на всякій случай, на всякую мысль, на всякій оттѣнокъ мысли, и ему остается только брать ее, всегда готовую, острую и ловкую. Въ богатствѣ фразъ ни одинъ языкъ не можетъ сравниться съ французскимъ.

Кромѣ классическихъ писателей, французъ съ любовью изучаетъ математику, но исторію и географію онъ пробѣгаетъ мелькомъ; всякая же система—не его дѣло.

Изъ приведенныхъ характеристикъ [1]) общественнаго воспитанія у нѣмцевъ, англичанъ и французовъ Ушинскій

[1]) Характеристики помѣщены въ собраніи сочиненій Ушинскаго стр. 27—90.

дѣлаетъ такой выводъ: „общей системы воспитанія у европейскихъ народовъ нѣтъ, воспитательная система каждаго народа носитъ на себѣ его достоинства и недостатки.“ Стало быть и на русскомъ общественномъ воспитаніи цѣликомъ должны отражаться черты нашей народности.

Уклонившись отъ опредѣленія характеристическихъ особенностей русскаго народа, вѣроятно, на томъ основаніи, что объ этомъ нѣтъ твердыхъ, научно основаныхъ данныхъ, Ушинскій не даетъ полнаго отвѣта на вопросъ, имъ же поставленный, о томъ, въ чемъ должно состоять русское общественное воспитаніе въ соотвѣтствіе національнымъ особенностямъ По его мнѣнію, въ русскомъ воспитаніи, если оно хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ отраженіемъ народной жизни, „должны выразиться глубокіе задушевные принципы (стороны) патріархальнаго быта, преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разливающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершину человѣческаго достоинства, необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, наконецъ древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа“

Высказанная мысль еще яснѣе раскрыта Ушинскимъ въ примѣненіи къ начальному народному образованію. Онъ говоритъ: „я считаю грамотность только тогда важнымъ пріобрѣтеніемъ для человѣка, когда онъ вмѣстѣ съ нею получаетъ желаніе и умѣнье пользоваться ею, какъ слѣдуетъ, т. е. такъ, чтобы чтеніе развивало его умъ, обогащало его полезными познаніями и укрѣпляло въ немъ *христіанскій, нравственный элементъ* [1]).

Такимъ образомъ, по взгляду Ушинскаго, существенною принадлежностію русскаго общественнаго воспитанія должно быть умственное и нравственное развитіе и притомъ такъ, чтобы въ воспитаніи на первый планъ была поставлена нравственная сторона; фундаментомъ воспитанія онъ считаетъ не ученость, не развитіе стойкости и энергичности характера, а нравственный элементъ, укрѣпленіе въ питомцѣ христіанско-нравственнаго идеала, развитіе въ немъ чувства долга, справедливости, любви, совмѣстно съ религіознымъ чувствомъ.

Если мы припомнимъ, что мысль Ушинскаго о первостепенномъ значеніи нравственно-религіознаго воспитанія съ настойчивостію, еще прежде него, проводилъ другой педагогическій мыслитель, Н. И. Пироговъ [2]), а равно и то, что таже мысль служитъ и служила темой раз-

1) Собр. сочин. стр. 274 и187·

[2]) Пироговъ „Вопросы жизни.“

нообразныхъ сочиненій и размышленій и постоянно встрѣчается въ памятникахъ русской словесности [1]), то должны сдѣлать выводъ, что русскій народъ имѣетъ сильное тяготѣніе къ развитію въ дѣтяхъ гуманности, къ развитію, такъ сказать, человѣка въ человѣкѣ посредствомъ христіанскаго вѣроученія и нравственности.

Любопытный фактъ, указывающій на это тяготѣніе, разсказанъ сельскимъ учителемъ-Рачинскимъ. „Я, пишетъ онъ, очень часто въ сельскомъ училищѣ заставлялъ учениковъ писать о томъ, какъ бы они желали провести свою жизнь, и большинство мальчиковъ, внимательно относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтственно ихъ вкусамъ и наклонностямъ, по большей части хозяйственнымъ,—изъ земныхъ благъ самымъ желательнымъ признаютъ собственный кусокъ земли, и заключаютъ свое описаніе отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь. Эта мысль, прибавляетъ Рачинскій, не была навязана учителемъ, и ученики монастыря не видали.„

---

[1]) Наприм. Отеческое завѣщаніе Посошкова. Интересенъ взглядъ его о томъ, какою душевною мягкостію долженъ отличаться его сынъ. „Такъ жить навыкай, пишетъ Посошковъ своему сыну, еже бы тебѣ никого стараго, или малаго, или богатаго, или убогаго человѣка ничимъ же не оскорбити, но во всемъ буди любителенъ и всякому человѣку отвѣщай и глаголи кротостію, и сурово никаковому человѣку кромѣ причины не глаголи, понеже сурово слово воздвигаетъ гнѣвъ. Ни какого человѣка дуракомъ не называй, но предъ всѣми смиряй. И нетолько человѣкъ люби, но и скоты жалуй, аще и курицу на пути найдеши, въ песцѣ рыющуюся, не потѣсни.“

Приведенный фактъ, хотя онъ и единиченъ, указывая на то, что должно быть центромъ воспитанія, косвенно и прямо подтверждаетъ справедливость воззрѣнія Ушинскаго на то, что въ воспитаніи краеугольнымъ камнемъ можетъ быть только развитіе религіозно—нравственныхъ чувствъ.

Такое значеніе нравственныхъ и религіозныхъ чувствъ Ушинскій выводитъ изъ ихъ психологическаго анализа и на основаніи указаній исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы вели дневникъ всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, съ указаніемъ того, что послужило къ нимъ поводомъ—мысль или чувство, то оказалось бы, что толчкомъ къ совершенію большинства дѣйствій были наши чувства, и что отъ преобладанія и характера послѣднихъ по преимуществу зависитъ наша дѣятельность.

Слѣдовательно господство въ человѣкѣ эгоистическихъ чувствъ придаетъ эгоистическую окраску его дѣятельности, присутствіе же возвышенныхъ и благородныхъ чувствъ обнаружитъ ее въ иномъ видѣ.

Къ чувствамъ послѣдняго вида, какъ показываютъ историческіе факты, и должно быть отнесено нравственное и религіозное.

Эти факты свидѣтельствуютъ, что мысль, двигаясь безостановочно впередъ, оказываетъ болѣе слабое вліяніе на личную дѣятельность человѣка и его отношенія къ

другимъ, чѣмъ чувства нравственныя и религіозныя: вѣра и нравственность вызывали и вызываютъ сильные подвиги любви и полнаго самотверженія, улучшаютъ всѣ стороны жизни человѣка, включая сюда и экономическую. Относительно послѣдней стороны прошу обратить вниманіе на слѣдующій фактъ. Какъ только въ деревнѣ усилится религіозное и нравственное развитіе, чему обыкновенно сопутствуетъ распространенное и сознательное чтеніе Евангелія, этой единственной книги, которая съ удивительной простотой раскрываетъ предъ совѣстію человѣка всю необъятную совокупность явленій, обнимающихъ правду человѣческихъ отношеній и нравственныхъ обязанностей, то бытъ крестьянъ въ экономическомъ отношеніи измѣняется.

„Посмотрите, говоритъ Успенскій, на такую деревню: на мѣсто гнилой соломы крышъ красуются въ ней крыши тесовые, и стоятъ дома съ крылечками, а крылечки со столбиками. Ворота не только не скрипятъ и не валятся, а прямо щеголяютъ своимъ изяществомъ... Изъ этихъ воротъ не идетъ и не ѣдетъ пьяный, безчувственный отъ хмѣля человѣкъ. Онъ не валяется посреди лужи, его не наказываютъ за распутство, за драку и т. п.“

Если къ этому явленію присоединить то, что въ русскомъ человѣкѣ, какъ замѣтилъ Ушинскій, есть особенность, въ силу которой онъ можетъ внезапно и быстро переходить отъ добра и правды къ грязи и злу и обратно,

и если припомнимъ хотя часть изъ безчисленныхъ фактовъ, указывающихъ на сильный разгулъ эгоизма разнообразныхъ видовъ въ русскомъ обществѣ въ переживаемое нами время, то на ряду съ признаніемъ слѣдующаго положенія Ушинскаго, „что родимая грудь для насъ—наша народность и наша народная религія," должны будемъ сказать, что та школа, которая хлопочетъ только объ увеличеніи количества знаній учащихся и объ ихъ умственномъ развитіи не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ жизни.

Изъ приведеннаго положенія Ушинскій дѣлаетъ слѣдующій логическій выводъ, касающійся учителей: „прежде всего и болѣе всего наше народное воспитаніе нуждается въ людяхъ, способныхъ къ этому великому дѣлу, нуждается въ народныхъ учителяхъ, народныхъ не потому только, что они учатъ народъ и въ народныхъ школахъ, а потому, что они вышли дѣйствительно изъ среды народа, вынесли съ собой его лучшія характеристическія свойства и его чистѣйшія привязанности и просвѣтили эти свойства и привязанности *истинно—христіанскимъ, европейскимъ образованіемъ.*" И такихъ учителей, по мнѣнію Ушинскаго, могутъ дать Россіи только учительскія семинаріи.

Приложимъ теперь широкій взглядъ Ушинскаго о томъ, кто можетъ быть народнымъ учителемъ, къ современной дѣятельности начальныхъ учителей.

Дѣятельность большинства изъ нихъ направлена бываетъ или къ сообщенію только разнообразныхъ свѣдѣ-

ній, или, рядомъ съ этимъ, на умственное развитіе учениковъ; вниманіе и мысль учителей и учительницъ преимущественно заняты методическими вопросами, пріемами и техникой обученія. Такихъ же училищъ, гдѣ дѣятельность преподавателей стремится не къ сообщенію только знаній, но и къ умственному и нравственному развитію питомцевъ, и гдѣ вопросы о нравственно—религіозномъ воспитаніи разработываются и практически осуществляются, весьма мало.

Правда, каждый учитель содѣйствуетъ нравственному развитію тѣмъ, что поддерживаетъ тотъ порядокъ и ту дисциплину, которые необходимы для учебныхъ занятій, такъ какъ чрезъ это ученикъ привыкаетъ сообразовывать свои желанія и интересы съ желаніями и интересомъ другихъ,—въ данномъ случаѣ, своихъ товарищей.

Еще большую услугу окажетъ учитель, если онъ настолько обладаетъ тактомъ, что его ученики съ любовью относятся къ своему дѣлу и ради дѣла съ готовностью подчиняются всѣмъ необходимымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хранятъ добрыя чувства къ нему и другъ къ другу.

Но такая дѣятельность учителя, по мнѣнію Ушинскаго, узка; нравственное воздѣйствіе учителя на учениковъ можетъ выражаться и иными способами.

Въ дополненіе къ мнѣнію Ушинскаго укажу на слѣдующее: Каждый, напримѣръ, учитель и учительница

считаютъ своею обязанностію образовать въ сознаніи ученика понятіе о томъ, что такое металлъ и минералъ, какъ дѣлится время, кого называютъ насѣкомыми и т. п., но всѣ признаютъ для себя малообязательнымъ содѣйствовать сформированію понятій ученика о честности, справедливости, добротѣ и т. д., хотя къ этому представляются безчисленные случаи. Короче сказать, нравственные взгляды и понятія или упускаются совсѣмъ изъ виду, или на сознаніе ихъ учениками и анализъ удѣляется незначительное время, не всегда даже, при чтеніи пословицъ и басенъ, такъ какъ между преподавателями есть тотъ взглядъ, распространенію котораго, въ противорѣчіе себѣ, помогъ Ушинскій, что не слѣдуетъ открывать внутренняго (нравственнаго) смысла пословицъ и другихъ литературныхъ образцовъ ученикамъ, потому что будто бы онъ имъ недоступенъ.

Не давая подробныхъ указаній на поставленный вопросъ о нравственномъ воздѣйствіи учителя на учениковъ, замѣчу только то, что, мнѣ кажется, неосновательнымъ весьма часто встрѣчающійся взглядъ, что школѣ въ развитіи нравственности народной принадлежитъ столь скромная роль, сколь незначительно вліяніе ея на ознакомленіе учениковъ съ роднымъ языкомъ, такъ какъ нравственность, подобно родному языку, въ своемъ развитіи зависитъ отъ безчисленныхъ причинъ.

Послѣ вопросовъ о воспитаніи перехожу ко взгляду Ушинскаго на элементарное общественное обученіе. Его

мысли объ этомъ сдѣлались ходячими и распространенными. По его мнѣнію, первая цѣль школьнаго обученія—формальная, она состоитъ въ развитіи умственныхъ способностей ученика, его наблюдательности, памяти, воображенія, фантазіи и разсудка; вторая цѣль—реальная, столь же важная, какъ первая. Для достиженія первой цѣли, учитель долженъ не только передать тѣ или другія познанія, но развить въ ученикѣ желаніе и способность самостоятельно, безъ учителя, пріобрѣтать новыя знанія. Для достиженія второй цѣли прежде всего необходимъ разумный выборъ предметовъ для наблюденій, представленій и соображеній.

Предметами въ школахъ могутъ быть: 1) главнѣйшія событія ветхозавѣтной исторіи, евангельской и исторіи церкви, главнѣйшія священнодѣйствія и обряды богослуженія, главнѣйшія нравственныя обязанности человѣка.

2) Крупнѣйшія событія изъ русской исторіи и тѣ изъ всеобщей, которыя находятся въ связи съ русскою или исторіей христіанской церкви.

3) Главныя физическія явленія, какъ то: ночь, день, четыре времени года, дождь, снѣгъ и градъ и т. п.

4) Различіе главнѣйшихъ породъ животныхъ, съ показаніемъ этого различія на животныхъ домашнихъ и тѣхъ, которыя могутъ быть знакомы ученикамъ.

5) Ариѳметика, преимущественно умственное счисленіе на предметахъ наглядныхъ, при чемъ ученики нагляднымъ образомъ могутъ быть ознакомлены съ главнѣйшими геометрическими формами.

6) Рисовка преимущественно съ натуры.

7) Знакомство съ различными ремесленными произведеніями.

8) Ознакомленіе учениковъ съ главнѣйшими техническими изобрѣтеніями посредствомъ моделей и картинъ.

Главнымъ же предметомъ обученія Ушинскій, сообразно своимъ возрѣніямъ о значеніи національности, считаетъ родной языкъ на томъ основаніи, что родное слово находитъ въ организмѣ ребенка уже подготовленную для себя родимую почву, и кромѣ этого потому, что языкъ народа, являясь полнѣйшимъ отраженіемъ родины и духовной жизни народа, является въ то же время для ребенка лучшимъ истолкователемъ окружающей его природы и жизни, единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно почерпнуть все, добытое народомъ путемъ долгаго умственнаго труда.

Указанныя возрѣнія свои о значеніи нравственнаго элемента въ воспитаніи и роднаго языка въ обученіи Ушинскій практически осуществилъ, издавши распространенныя и всѣмъ извѣстныя книжки „Роднаго Слова“. Надъ составленіемъ ихъ Ушинскій трудился болѣе пяти лѣтъ. По видимому, такъ много времени совсѣмъ не нуж-

но было тратить: ничего нѣтъ, кажется, легче, какъ написать дѣтскую книжку. Стоитъ собрать нѣсколько полезныхъ свѣдѣній, прибавить къ нимъ не много интересныхъ стихотвореній, сказокъ, пѣсенъ и поговорокъ, и книжка готова. Такъ въ большинствѣ случаевъ и поступаютъ составители дѣтскихъ книгъ. Вчитываясь въ Родное слово, видимъ, что Ушинскій обдумывалъ въ немъ каждую страницу.

Первый вопросъ, который предстояло рѣшить Ушинскому, состоялъ въ томъ, что разумѣется подъ полезными свѣдѣніями.

Другой нашъ педагогъ, Н. А. Корфъ, написавшій также книгу для дѣтей „Нашъ Другъ", такъ разрѣшилъ этотъ вопросъ: подъ полезными свѣдѣніями онъ преимущественно разумѣетъ тѣ, которыя прямо или косвенно вліяютъ на наше матеріальное благосостояніе, отъ которыхъ намъ становится тепло, свѣтло и сытно. Въ указанной книгѣ поэтому разсказывается оваркѣ и соленіи мяса, описывается, какъ морить тараканов, какъ приготовлять оконную замазку, какъ изводить вшей и клоповъ.

Безъ доказательствъ ясно, что такія знанія совсѣмъ лишены воспитывающаго начала, они не могутъ воспитать въ человѣкѣ гумманности; поэтому Константинъ Дмитріевичъ признаетъ полезными знаніями для дѣтей тѣ, которыя могутъ вліять на развитіе правильнаго міровозрѣнія, вызываютъ и поддерживаютъ благородныя чув-

ства симпатіи, любви, долга и справедливости, присутствіе которыхъ у дѣтей на первыхъ порахъ ихъ существованія едва замѣтно. Извѣстно, что наши ангельчики--дѣти очень часто по своимъ дѣйствіямъ напоминаютъ дикарей, вырывающихъ другъ у друга куски пищи.

Борьба съ проявленіями дикихъ инстинктовъ и эгоизмомъ дѣтей—главная задача воспитанія, и въ этой борьбѣ, очевидно, должно принять участіе и первоначальное обученіе съ принаровленнымъ для этой цѣли матеріаломъ. Такимъ матеріаломъ, при обученіи въ первые годы, Ушинскій признаетъ живое изображеніе окружающей жизни и природы, а главнымъ образомъ—поэтическія произведенія, принадлежащія народу. Сюда относятся: бытовыя и дѣловыя статьи, сказки, пословицы, поговорки, загадки и стихотворенія. Такимъ образомъ выходитъ, что Ушинскій отдаетъ преимущество поэтическому матеріалу предъ прозаическимъ.

Такое рѣшеніе указаннаго вопроса, совпадающее съ изстари существующимъ обычаемъ въ семьяхъ—знакомить дѣтей съ поэтическими народными воззрѣніями, имѣетъ основанія.

Въ самомъ дѣлѣ, что ярче и краше поэтическихъ произведеній обрисовываетъ красоту Божьяго міра? Поэтическія произведенія, изображая положительныя и отрицательныя стороны жизни, по преимуществу будятъ въ насъ и поддерживаютъ любовь, симпатію ко всему воз-

вышенному, живому, къ послѣдней букашкѣ и глупой овечкѣ. А главнымъ образомъ, такія произведенія соотвѣтствуютъ состоянію дѣтской природы, состоянію ихъ ума и чувствъ.

Дѣти, представляя всю природу живою, каждый предметъ одушевленнымъ, мыслятъ образами и картинами. Посмотрите, напримѣръ, на ребенка, когда ему сказываютъ сказку „Старикъ и Волкъ", въ это время онъ прижимается къ вамъ, отъ страха зрачки его расширяются. Это объясняется тѣмъ, что, во время разсказа, онъ не видитъ окружающаго, онъ видитъ сѣраго волка, какъ бы на яву, слышитъ щелканье волчьихъ зубовъ, слышитъ, какъ волкъ отворилъ дверь и какъ кости старухи захрустѣли подъ его зубами.

На основаніи фактовъ, подобныхъ приведенному, психологія, называя мышленіе дѣтей конкретнымъ, считаетъ несомнѣннымъ то, что каждый ребенокъ живетъ такими же состояніями, какія мы испытываемъ, находясь въ театрѣ, и думаетъ живыми образами и предметами, и поэтому любитъ тѣ сочиненія, гдѣ есть образность, картинность, наглядность, любитъ лучше иллюстрированныя книги, чѣмъ не иллюстрированныя.

Мысль о наглядности поэтому вездѣ проведена въ въ произведеніяхъ Ушинскаго, и въ „Родномъ словѣ" иллюстрированы картинами, отчетливо и неотчетливо исполненными, не только разсказы, бытовыя статьи, но да-

же грамматическія бесѣды съ отвлеченнымъ анализомъ языка. Такъ, напримѣръ, желая дѣтямъ сообщить, что такое предлогъ, Ушинскій для этого прибѣгъ къ слѣдующему пріему: въ „Родномъ словѣ", часть III, нарисована клѣтка, въ ней, надъ ней, подъ ней нарисованы птички. Съ такой картинкой легко довести дѣтей до той мысли, что называется предлогомъ.

Сдѣланный краткій разборъ „Роднаго слова" въ достаточной степени разъясняетъ, почему дѣти сильно любятъ эту книжку, благотворно на нихъ вліяющую, и почему она расходится каждый годъ десятками тысячъ и почему ее даже можно встрѣтить въ глухой деревнѣ.

Но рядомъ съ такимъ положеніемъ „Роднаго слова" существуетъ извѣстный фактъ, состоящій въ томъ, что родители учениковъ сельскихъ училищъ чтеніе матеріала въ „Родномъ словѣ" встрѣчаютъ несочувственно и выражаютъ, что въ школахъ читаютъ только пустяки, сказки да побасенки.

О такомъ фактѣ, напримѣръ, заявлено было въ интересномъ дневникѣ учителя, напечатанномъ въ „Волжско-Камскомъ Словѣ," гдѣ описывается, какъ мірской сходъ протестовалъ противъ употребленія книгъ Ушинскаго. Мнѣ извѣстны факты, что въ нѣкоторыхъ селахъ въ насмѣшку „Родное Слово" называютъ „Козликъ", „Пѣтушекъ"; въ другихъ же—отцы въ гостинецъ покупаютъ своимъ сыновьямъ эту книгу.

Отчего же происходитъ то, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не одобряютъ употребленія „Роднаго Слова“ въ сельской школѣ? Происходитъ ли это отъ ихъ непониманія сущности дѣла, или отъ иныхъ причинъ? Позволяю себѣ сдѣлать попытку дать нѣсколько предположеній для разъясненія поставленнаго вопроса.

Выше мною была приведена сдѣланная Ушинскимъ характеристика семейнаго русскаго воспитанія, настолько не широкая, что она не касается всѣхъ слоевъ русскаго общества. Такъ въ ней ни одной чертой не задѣто воспитаніе крестьянскихъ дѣтей, въ характерастикѣ сгруппированы только штрихи воспитанія у средняго класса, живущаго по преимуществу въ городахъ.

Составляя „Родное Слово,“ Ушинскій имѣлъ преимущественно въ виду дѣтей этого класса и старался приспособить книгу къ тому ихъ возрасту, съ какого начинается обученіе чтенію, а именно отъ 7 до 9 лѣтъ.

Если сравнить дѣтей этого возраста, принадлежащихъ къ среднему классу и крестьянскому сословію, то легко замѣтить между ними разницу.

„Мальчикъ, поступающій въ сельскую школу, говоритъ Рачинскій, мало похожъ на своего сверстника изъ образованныхъ классовъ. Онъ не видалъ еще букваря, но твердо знаетъ азбуку жизни. Едва онъ сталъ твердо держаться на ногахъ, ему поручили нянчить меньшаго братца или сестрицу. Какъ только являются при-

знаки физической силы, на мальчика возлагаются работы, сопряженныя съ отвѣтственностію за самыя цѣнныя части крестьянскаго хозяйства. Среди этихъ тяжелыхъ трудовъ онъ узнаетъ свѣтлыя, темныя и печальныя стороны жизни не изъ разсказовъ, а личнымъ опытомъ".

Одновременно съ этимъ, крестьянскіе дѣти задолго до поступленія въ школу, среди трудовъ и отдыха, научаются пѣснямъ; когда еще бѣгаютъ босоногіе, узнаютъ много загадокъ, сказокъ и разсказовъ, такъ какъ поэтическій матеріалъ, особенно же эпическій, совсѣмъ не исключается крестьянами изъ дѣла воспитанія и сообщается дѣтямъ весьма рано [1]).

Сопоставляя высказанное съ матеріаломъ „Роднаго Слова," легко замѣтить, что эта книга съ одной стороны по своему содержанію мало принаровлена къ быту крестьянъ, съ другой стороны не гармонируетъ съ уровнемъ развитія крестьянскихъ мальчиковъ. Большинство изъ нихъ, являясь въ школу маленькими мужичками, давно уже отъ баушекъ слышало сказки и загадки, помѣщенныя въ „Родномъ словѣ" и которыя для нихъ такимъ образомъ утратили воспитательный интересъ.

Между тѣмъ отдѣлъ сказокъ въ „Родномъ Словѣ," сравнительно съ другими его частями, безъ нужды осо-

---

[1]) См. Можаровскій. Изъ жизни крест. дѣтей Казанской губерніи.

бенно увеличенъ, и притомъ иногда—статьями слабыми, малосодержательными, напримѣръ, сюда слѣдуютъ отнести: „Мѣна,“ „Змѣй и Цыганъ.“ „Гуси.“ Это преобладаніе фантастическаго матеріала оказываетъ то вліяніе, что крестьянскіе дѣти надолго остаются, находясь въ школѣ, въ кругу тѣхъ знаній, съ какими они явились въ нее.

На мой взглядъ, это явленіе и несоотвѣтствіе матеріала Роднаго Слова умственному состоянію учащихся въ сельскихъ училищахъ понимаютъ ихъ родители и протестуютъ. Этотъ протестъ еще поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые учителя и учительницы для уроковъ чтенія берутъ только легкія статьи, преимущественно сказки, разсказы и т. п., серьезныя же, требующія работы мысли, опускаются.

Мнѣ, напримѣръ, въ пяти училищахъ ученики не разъяснили пословицъ: „*денежка рубль бережетъ, чужая копѣйка карманъ прожжетъ*“ оттого, что молодые учительницы и учителя распорядились ихъ вмѣстѣ съ другими статьями выпустить.

ЦѢНА 45 КОП.